

В.И. Немирович-Данченко

Мужицкая обитель

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.И. Немирович-Данченко**
Мужицкая обитель / В.И. Немирович-Данченко – М.: Книга по Требованию,
2014. – 204 с.

ISBN 978-5-458-06934-2

Мужицкая обитель.

ISBN 978-5-458-06934-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Въ открытомъ озерѣ. — Буря.

Версть двѣнадцать плутали мы по закоулкамъ и извилинамъ салмъ и заливовъ ладожскаго побережья. Наконецъ, послѣдняя шкура отошла назадъ и закуталась въ сѣрый туманъ. Впереди открытое озеро, я сказалъ бы море, потому что по глубинѣ и размѣрамъ Ладога болѣе заслуживаетъ это имя, чѣмъ какая-нибудь Азовская лужа. Берега на востокъ, сѣверъ и югъ — даже и не мерещились. Спокойный и величавый просторъ окружалъ отовсюду смутные силуэты нѣсколькихъ острововъ, до которыхъ мало-мало было двадцать пять версть.

Сѣроватое освѣщеніе какъ разъ подѣлало недвижному простору. Жары какъ не бывало. Все небо затянуло не тучками, а бѣлыми, сквозными крыльями. Коегдѣ по зеркалу Ладоги бѣжали бороздки отъ лѣниво под-

нявшагося вѣтра. Но и онъ, точно уставая, приникалъ къ теплой водѣ и засыпалъ на ней . . .

Изрѣдка передъ нами подымалась изъ воды черная усатая голова тюленя . . . Степка Юдинъ, мой лодочникъ, свисталъ какимъ-то особеннымъ способомъ, и перпа еще раза два-три ныряла изъ озера по направленію къ нашей лодкѣ . . .

Вода и небо . . . И то, и другое — вѣявшія на насъ невозмутимую, благоговѣйною тишиной. Невольно воображеніе рисовало нашу планету, когда она носилась въ пространствѣ, вся покрытая водою, когда отъ нея земля еще не отдѣлилась, и, по преданію, духъ Божій носился надъ молчаливымъ, единымъ океаномъ; когда все разнообразіе являлось только въ переливахъ освѣщенія. Солнце восходило и заходило тогда надъ безжизненной землей, играя на гребняхъ валовъ и золотя густыя облака.

Безжизненною! Можно ли опредѣлить тотъ предѣлъ, гдѣ кончается жизнь, и начинается механическое движеніе? Мы, впрочемъ, и не будучи свидѣтелями первыхъ дней творенія, любовались теперь на удивительные эффекты освѣщенія. Когда солнце, закатываясь, вышло изъ-за бѣлыхъ крыльевъ, весь безбрежный просторъ раздѣлился на три сливающіяся по краямъ полосы. На западѣ зыблется пламя, струится багряное по тихимъ водамъ, мало-по-малу блѣднѣя, по мѣрѣ приближенія къ срединѣ озера, и переходя въ бѣлесоватыя, а потомъ и совсѣмъ стальные тоны. Вся восточная окраина Ладоги отъ очистившагося надъ нею вечерняго неба казалась зеленоватой . . .

Нѣсколько уже часовъ плыла наша лодка, мѣрно разсѣвая воду; наконецъ, скучно стало.

— Скоро ли?

— А вотъ, когда этотъ островъ, — указалъ Степка

на одинъ изъ силуэтовъ валаамскаго архипелага, — зайдетъ за тотъ, — будетъ половина!

Берегъ позади чуть виденъ. Едва-едва каймится. Валаамъ замѣтно растетъ передъ нами. Ужъ теперь можно отличить, что островъ лѣсистый. Весь синій, онъ, нѣсколько мраченъ, какъ и сама обитель. Въ синевѣ поблескиваетъ, точно затерявшаяся въ пространствѣ искра, куполь Никольскаго скита, и мерещится бѣлымъ пятномъ соборъ. Я держу руль прямо между ними. Мои спутники не только не внушаютъ недовѣрія, напротивъ, наперерывъ дѣлятся со мною скудными свѣдѣніями о Валаамѣ.

— А что здѣсь часто бываютъ бури?

— Вона! Наше озеро съ полнымъ удовольствіемъ. Какая лодка-сойминка, — самая праведная! Какъ ни грузи ее, волной и безъ бури захлещетъ, бываетъ! Тутъ вотъ сколько нашихъ сойминокъ тонуло — страсть! Тыщи! Это только слава, что озеро — морю не уступить. А зимой . . . Тоже мы ѣхали . . . Эконома валаамскаго я изъ сердобольской ярмарки везъ. Поднялась мзга . . . Вѣтромъ ледъ рямитъ. Трескъ . . . Вода сквозъ, — полно ужъ все. Ёдемъ по льду, а насъ волна гонитъ. Отецъ Алексѣй всѣ молитвы, какія зналъ, прочелъ. «Господи, что будетъ съ нами?» — А что Богъ дастъ, отче, говорю. «Назадъ бы, Степушка» . . . Повернулъ я назадъ, а тамъ ужъ волны въ сажень ходятъ. Какъ добрались — не помню, оглушило. Настоящее страженіе!

Какъ просторъ Ладоги развиваетъ зрѣніе. Я и въ бинокль едва могъ разсмотрѣть какія-то тучки на водѣ — острова, а Степка Юдинъ по очертаніямъ опредѣлилъ, на какомъ именно изъ нихъ его братъ сѣно беретъ.

Вонъ, гли-ко . . . Лодочка малая намъ устрѣнь!

— Не видать. Въ бинокль тоже!

— Эхъ, баринъ, ваши бинки эти ничего не стоятъ! Подъѣхали еще версты двѣ. Дѣйствительно, лодочка ползеть на насъ.

— Кого несетъ? — кричать оттуда.

— Барина!

— Давно ль Степка въ баре произошелъ? Ишь, вороватая душа. Ахъ, ты, песья муха, и впрямь барина везетъ. Отколь зацѣпилъ?

— Съ Сердоболя!

— И судьба же этому Степкѣ! Никому, окромя его, не достанется. Поди, пятерку слупилъ?

— Не, десятку! — торжествовалъ Юдинъ, нисколько не стѣсняясь моимъ присутствіемъ.

— Ну, и прокудимъ! И что это за мужиченка у насъ Степка . . .

— Сожри тебя Ладога!

И пошли крылатыя слова летать по вѣтру изъ одной лодки въ другую . . .

Не успѣли мы проплыть и версты, какъ съ запада вдругъ побѣжалъ вѣтеръ. То все былъ попутный, а тутъ чуть съ одного не перевернулъ нашу сойминку, точно желая оправдать только что сдѣланную рекомендацію Ладоги.

— Держи руль! Убирай парусъ! — вдругъ взялъ въ свои руки командованіе лодкой еще недавній Степка.

Володька-артистъ и Гейна схватились за дѣло. Новый порывъ вѣтра вырвалъ у артиста весло; едва догнали, при чемъ Володька не только получилъ отъ Степки затрещину, но и перенесъ оную съ истинною христіанскою кротостью.

— Правѣй руль! Правѣй! Круче! Опружить! — оралъ на меня Степка во все горло, точно стараясь перекрычать вѣтеръ.

Паруса, пока ихъ убиралъ Гейна, хлестали намъ въ лицо, завертывались вокрѹтъ мачты, вырывались изъ рукъ и, какъ крылья чудовищной птицы, раскидывались въ воздухѣ, чтобы тотчасъ же зашлепать во всѣ стороны. Вѣтеръ теперь уже ревѣлъ кругомъ, кидаясь направо и налѣво, вертясь на мѣстѣ, какъ одержимый, то припадая къ волнамъ, то взрываясь къ самымъ облакамъ. Волненія еще не развело, но вихрь уже вырывалъ бездны — воронками, въ которыя стремглавъ летѣла лодка, чтобы тотчасъ же подняться на новомъ, выросшемъ подъ нею, хребтѣ . . . Обшивка сойминки трещала и стонала, какъ живая, жалуясь на удары, сыпавшіеся на нее отовсюду.

— Кабы не разломило! — заботливо оглядывалъ ее Степка

— А что, жидка?

— Да наше дѣло скорбное. Нужа ѣсть поѣдомъ. Гдѣ исправную лодку завести!

И при этомъ, въ видѣ знака препинанія, трахъ Володьку по уху.

Вѣтеръ былъ такъ силенъ, что руку рвало отъ руля. Приходилось держать его обѣими. Я уже проклиналъ и отца Парамона, посовѣтовавшаго въ Сердоболѣ этотъ способъ путешествія. Въ самомъ дѣлѣ, куда какъ интересно потонуть посреди Ладоги, да еще такъ, что никто и не узнаетъ, куда ты дѣвался, и что съ тобою было. Облака быстро неслись, то открывая бѣлыя пятна беззвѣднаго сѣвернаго неба, то сучиваясь темными массами. Гдѣ-то ударило громомъ, молнію мы пропустили, за то вдругъ рядомъ струя небеснаго огня неожиданно скользнула въ волны, и стихійный трескъ раздался надъ нами. Казалось, что твердь небесная, повинувшись чьему-то могучему слову, разсѣлась надъ этимъ могучимъ, бунтующимъ озеромъ.

— Ну, братъ Юдинъ, плохо!

— Чего хуже! Читай молитву преподобному Герману. Онъ помогаетъ. На свою силу надежда плоха!

— Куда править-то?

Острова слились въ одинъ. По этому признаку заключали, что осталось до скита Никольскаго пять версть.

— Теперь, коли будешь держать вѣрно, мигомъ донесеть!

— А если съ курса собьюсь?

— Ну, тогда на дно къ рыбамъ!

Выбора не было. Къ счастью, направленіе взято какъ слѣдуетъ. Вѣтеръ не давалъ у острововъ скопляться туману, и соборъ былъ виденъ отлично сквозь брызги волнъ. Иногда его заслоняли бѣлые, косматые гребни, которые подымались передъ нами, точно заглядывая въ лодку, что тамъ? Насъ уже захлестывало. На днѣ лодки билась вода. Черпать ее было некому. Дай Богъ справиться съ веслами . . .

— Зальетъ?

— Какъ Богъ! Видишь самъ: ничего не подѣлаешь. Держи руль!

Володька нѣсколько оправился. И про затрещины забылъ.

— Вижу я, братъ Степка, ты у насъ мужчина безъ всякой причины!

— Это какъ?

— Да такъ. Молодецъ! Ишь, управляешься!

— Это что за островокъ виденъ? — показываю я высывавшійся передъ однимъ концомъ Валаама не то утесъ, не то тамъ клочекъ земли.

— Кабакъ!

— Какъ кабакъ?

— Такъ. Тутъ много острововъ малыхъ. Кабаками зовутся!

— Да ради чего же?

— Должно быть, здѣсь водкой прежде торговали.

— Никогда не торговали! — вступился Володька.

— Ты знаешь!

— Я знаю. А это, видите ли, на Ладогѣ водки отнюдь не полагается. Они, странники-то, о водкѣ и скорбятъ. Потому, всякій малюсенькій клочекъ земли имъ кабакомъ кажется. Спятъ и видятъ. Стоитъ-де, сердечный! Ну, и легче имъ. Тоже тварь земная вѣдь!

Подъ свистъ вѣтра, подъ грохотъ бури, подъ крики гребцовъ сумрачно выросалъ Валаамъ. Вонъ и проливъ виденъ. Огонекъ по немъ скользитъ. Это монашескій пароходикъ двигается тамъ. Затихше въ этихъ салмахъ. Вѣтеръ и буря не проникаетъ въ ихъ мирныя пустыни, защищенныя крутыми и гористыми берегами. Глазъ не оторвать оттуда... Какъ бы доплыть скорѣй, скорѣй уйти изъ-подъ бури, отъ хаоса, въ которомъ не различаешь, гдѣ тучи, гдѣ волны, вѣтеръ ли это бьетъ въ лицо, или брызги съ гребней вспѣнныхъ волнъ срываются и несутся навстрѣчу.

— Давай ходъ! — покрикиваетъ Степка. — Давай ходъ! Передъ!...

Никольскій скитъ все растетъ и растетъ передъ нами. Вотъ его красная кирпичная церковь, точно сторожевая крѣпость монастыря. Не мы бѣжимъ къ берегу, а берегъ на насъ. Пришлось перевалить руль налѣво, чтобы не наскочить на утесы. Еще минута, и берегъ набѣжалъ, и наша лодка, вся мокрая, точно вспотѣвшая, недужно и устало покачивается въ тихой салмѣ. Буря осталась позади. Тамъ, за очарованнымъ кругомъ, бѣсятся и злобствуютъ стихійныя силы зла. Милліоны демоновъ орутъ

въ безсильной ненависти, но имъ не дано проникнуть въ мирный уголокъ.

— Слава Тебѣ, Господи! Пристали!

— Вотъ и таможня. Сейчасъ осмотръ будетъ!

Гейна и Володька зашущукали, дѣлая какія-то таинственныя движенія въ лодкѣ.

— Таможня, выходи! — заораль Степка.

Но въ келіяхъ скита темно. Ни шороха, ни движенія кругомъ.

— Поплывемъ такъ дальше! — предложилъ я.

— Нельзя!

— Почему?

— Порядокъ такой у нихъ. Нужно отсюда билетъ представить, что у насъ ничего нѣтъ. Тогда и въ монастырь пустять. А безъ билета назадъ прогнать. Отецъ Никандра у нихъ гостинникъ строгій. Онъ, братъ, турнетъ!

— Отецъ Стефанъ! — опять заораль Степка.

Въ одномъ изъ оконъ скита засвѣтился огонекъ. Спустя минуту огонекъ точно сбѣжалъ внизъ и пошелъ намъ навстрѣчу. Еще минута, и за ручнымъ фонаремъ обрисовалась высокая стройная фигура молодого монаха.

— Вотъ и таможня. Сейчасъ начнется!

II.

Монастырская таможня.

Пока я всматривался въ сумрачныя очерки монастыря, у креста, стоявшаго на берегу, шель подробный докладъ. О Стефанъ оказался, дѣйствительно, докой.

— По правдѣ, братцы, нужно жить, по правдѣ!

— Точно, отецъ Стефанъ! — совался къ нему Володька подъ благословеніе.

— Погоди, чего тычешься? На все время. Дай свою должность сполнить, а потомъ и благословлю, коли будешь стоять!

— Помилуйте, святой отецъ, я за эту за самую за правду въ какое положеніе произошелъ. Генераль Треповъ теперьче говоритъ . . .

— Не тараторь! Нѣкогда мнѣ съ вами. Ну, такъ, братцы, по совѣсти будемъ: есть у васъ что, или нѣтъ?

— Нѣтъ! Помилуй, — распинался Степка, — развѣ я въ первый разъ?

— Ну то-то . . . Такъ ничего? Безъ правды ребята, плохо!

— Вотъ какъ передъ истиннымъ!

— Папирось, табаку?

— Нѣтъ, и не пахнетъ! — Степка, для цущаго убѣжденія, вывернулъ карманъ и, держа его въ рукахъ, сунулся къ монаху.

— Не егози . . . Водки нѣтъ?

— Нѣтъ и званія. Помилуйте, при этакой святости и вдругъ водка. Да мы за недѣлю въ ротъ ничего не беремъ! Тоже очищаемся. А не то что бы неглежа. Слава Богу — не свиньи!

— Ну, выходи всѣ изъ лодки!

Лица у моихъ гребцовъ вытянулись. По разспросамъ о Стефана они было думали, что обыска не будетъ, а тутъ, какъ нарочно . . . Пожалуйте къ расчету.

Въ пустую лодку вошелъ монахъ и давай шарить. Во всѣхъ углахъ, каждую дощечку поднималъ, въ каждую щель запускалъ пальцы . . . Володька съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за нимъ, волнуясь каждый разъ, когда о. Стефанъ подбирался къ правому борту.

— Найдеть, а? — шопотомъ спрашивалъ онъ у Гейны.

— Нэ! — отрѣзалъ тотъ, совершенно спрятавъ глаза.

— Ахъ найдеть! Вотъ, вотъ... Нашель!..

И Володька забеспокоился.

— Это, отецъ Стефанъ, невзначай, ей-Богу невзначай! Самъ забылъ...

— Вотъ и видно, что не по правдѣ живешь! Ишь, плутовство-то у тебя... Оказываетъ!.. — Въ то же время отецъ Стефанъ не только бросалъ въ воду, но и рвалъ пачки съ мокрыми папиросами. Полѣзъ въ корму...

— Это еще что? Нюхательный табакъ, а?

— Для всеобщаго бдѣнія! — солидно объяснялся Степка. — Плоть немощна. Такъ чтобы не заснуть!

— Когда всеобщія бдѣнія-то бываютъ, развѣ нынче? Да тебя въ церковь-то и не загонишь, знаю тебя. Экой склизкій мужикъ, Степанъ!

— Помилуйте, я это для храма Божьяго!

— Табакъ-то для храма? Не по правдѣ живете, нѣтъ въ васъ правды!

Обыскалъ лодку. Гребцы было полѣзли въ нее.

— Стой, стой! Степанъ, подходи!

Схватилъ шапку, ощупалъ, надѣлъ на голову ему, потомъ подмышки запустилъ руки, за пазуху... И вдругъ, когда Степанъ менѣе всего ожидалъ этого, таможенный монахъ схватилъ его за голенища.

— Это что? — вытащилъ онъ маленькую бутылочку.

— Лѣкарство. У меня дѣти въ воспѣ, такъ изъ города.

— Ишь, какое лѣкарство, — ромомъ оно у тебя пахнетъ. Хорошій медикаментъ...